

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ УСЛУГ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В РФ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

В.Ю. Кулькова^{1а}

^аКазанский государственный энергетический университет

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. В настоящее время происходит активное формирование практик социального предпринимательства в РФ, которое характеризуется трендом опережающего эмпирического развития над нормативно-правовой регламентацией. В отдельных субъектах РФ на субфедеральном уровне проводилась разработка и реализация продвинутых моделей субфедеральной поддержки социального предпринимательства, включая и направления развития негосударственных поставщиков социальных услуг; малого и среднего предпринимательства (МСП), что требует анализа и обобщений для выделения эффективных мер региональной государственной поддержки с целью тиражирования в региональной политике РФ по нивелированию региональной дифференциации развития социального предпринимательства.

Научная задача. Диагностика реализации субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках.

Методологическая база исследования. Это положения позитивной экономической теории, заключающиеся в изучении сложившихся региональных практик развития социального предпринимательства, включая реализацию мер по видам государственной поддержки, предусмотренных законодательством РФ. Социальное предпринимательство рассматривается как самостоятельный вид предпринимательства, имеющий имманентные характеристики, отличные от СО НКО и МСП.

Используемые материалы. Информационной базой исследования выступили письма с фактографией о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ. Приведенные в письмах данные были подвергнуты обработке и сводке. Методы исследования – общенаучные методы: индукции, сравнения, обобщения.

Основные результаты исследования. Выявлено, что самой распространенной реализуемой мерой государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ выступает проведение конкурсов различного уровня, что направлено на популяризацию социального предпринимательства и идентифицируется с начальным этапом его развития. Субъекты РФ демонстрируют вариацию моделей субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства, включая и дифференциацию институтов инфраструктуры поддержки. Некоторые регионы констатируют отсутствие финансовых средств для развития инфраструктуры поддержки в субъект РФ и формулируют запрос на федеральное финансирование этого направления. Выделены субъекты РФ с продвинутыми практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне, отличающиеся ориентацией на развитие технологий (социальные инвестиции, сертификаты) или механизм межотраслевого социального партнерства с упором на взаимодействие с бизнесом или с активной ролью ответственных региональных ведомственных структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное предпринимательство, поддержка социального предпринимательства, инфраструктура поддержки, меры государственной поддержки, поставщики социальных услуг, негосударственные поставщики, малое и среднее предпринимательство, МСП.

¹AuthorID РИНЦ: 360869, ORCID: 0000-0001-9943-1780

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кулькова В.Ю. (2021). Реализация государственной поддержки социального предпринимательства в развитии услуг социальной сферы в РФ в региональных практиках // Вопросы управления. № 2. С. 90–101.

В настоящее время происходит активное формирование практик социального предпринимательства в РФ, которое характеризуется трендом опережающего эмпирического развития над нормативно-правовой регламентацией. В науке оценка инфраструктуры поддержки социального предпринимательства в РФ проводилось автором ранее [1, с. 1592–1607], а также наличествуют исследования развития различных видов и проблемных вопросов социального предпринимательства в практиках как зарубежных стран [2– 9], так и субъектов РФ [10–14].

Определение социального предпринимательства было официально введено только в 2019 году², однако в последнее десятилетие на субфедеральном уровне в отдельных субъектах РФ проводилась разработка и реализация продвинутых моделей поддержки социального предпринимательства в регионах, включая и направление развития негосударственных поставщиков социальных услуг. В составе негосударственных поставщиков социальных услуг наряду с социальными предпринимателями выделяются социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО). В некоторых региональных моделях инфраструктурная поддержка социального предпринимательства и СО НКО складывается в рамках единого института развития – ЦИСС. На практике это приводит к номинальному увеличению количества социального предпринимательства за счет НКО, что искажает реальные данные о развитии социального предпринимательства.

В направлении развития негосударственных поставщиков социальных услуг на государственном уровне ответственный феде-

ральный орган исполнительной власти, а это Министерство экономического развития РФ, проводит «Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»³. Широкая предметная область рейтинга определяет состав показателей методики, которая становилась объектом дискуссий [15, с. 6]. Мы разделяем позицию об обобщенной оценке рейтинга негосударственных организаций поставщиков социальных услуг, которая раскрывается в отсутствии конкретизации количественного выражения негосударственных поставщиков социальных услуг по видовой структуре. В частности, в рейтинге указывается количество СО НКО, а количество социальных предпринимателей не выделяется, приводятся данные в целом по государственной поддержке без видовой привязки.

Справедливости ради отметим, отождествление деятельности НКО и социального предпринимательства, а также синхронизация их инфраструктурной поддержки находит методологическое обоснование в теории гибридации [16–21], в которой рассматривается НКО как стартовая форма социального предпринимательства. Однако подобное позиционирование искажает истинную миссию организации третьего сектора по безвозмездному предоставлению социальных услуг населению, приводя их деятельность к коммерциализации⁴, тем самым усложняя практики налогово-

²О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» : Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ.

³Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_sostavlen_reyting_subektov_rf_po_aktivnosti_podderzhki_nko.html (дата обращения: 09.01.2021).

⁴J. Dennis Rich. The Importance of Mission for NGO's. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/306942079> (accessed 19.01.2021).

обложения⁵, что в конечном итоге подрывает доверие общества к НКО. В классическом подходе транслируется разграничение деятельности СО НКО и социального предпринимательства [22; 23].

В законодательстве РФ в настоящее время СО НКО выведены из организационно-правовой формы социального предпринимательства². Продвижение характеристик социального предпринимательства, заложенных в Федеральном законе от 26.07.2019 № 245-ФЗ, активно проводит Комитет социального предпринимательства Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»⁶. Так, согласно этому закону среди характеристик, раскрывающих сущность социального предпринимательства выделяются: «трудоустройство социально уязвимых категорий населения (трудоустроенные из числа социально уязвимых категорий – не менее 50 %, фонд оплаты труда – не менее 25 %); продвижение продуктов и услуг социально уязвимых категорий населения (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %); товары и услуги для социально уязвимых категорий населения, снимающие ограничения жизнедеятельности (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %); деятельность, направленная на социально значимые цели (доходы на эту деятельность – не менее 50 %; прибыль, reinvestированная – не менее 50 %)»².

Нами поддерживается позиция о разграничении социального предпринимательства и СО НКО. Вместе с тем в авторских исследованиях ставился вопрос о необходимости разделения социального предпринимательства и такого самостоятельного типа организаций как бизнес в социальной сфере [24]. Проблема «смещения» социального предпринимательства и бизнеса в социальной сфере в отече-

ственной практике формулируется и другими исследователями [16, с. 9], что работает на верификацию нашей позиции.

Кроме того, в отечественной практике социальное предпринимательство выделяется как вид малого и среднего предпринимательства, что прослеживается в реализации модели государственной поддержки. Так, согласно национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка предпринимательской инициативы» приоритетная государственная поддержка предусматривается для субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в статусе социального предприятия⁷. Порядок признания субъекта МСП социальным предприятием определен приказом Минэкономразвития России от 29.11.2019 № 773 и имеет заявительный характер. Как указывается корпорацией МСП – институтом развития МСП: «Сведения о получивших статус „социальное предприятие“ включаются в единый реестр субъектов МСП ежегодно 10 августа. По состоянию на 04.12.2020 в этот реестр внесены сведения о 2 880 социальных предприятиях»⁸. Действительно Федеральной налоговой службой в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» ведется единый реестр субъектов МСП, получающих государственную поддержку. В статистике единого реестра представлен учет категорий МСП (микропредприятия, малые и средние предприятия) и видов получателей поддержки (юридические лица, самозанятые и индивидуальные предприниматели), форм и видов оказанной поддержки, при этом отдельно в субъектах МСП социальное предпринимательство не выделяется⁹. Учитывая заявительный характер получения статуса социального предприятия, думается, что фактическое количество социального предпринимательства больше, чем количество

⁵Report on money laundering and tax evasion in the field of philanthropy. URL: <https://www.oecd.org/tah/exchange-noof-tah-informatiation/42232037.pdf> (accessed 09.02.2019).

⁶URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1wAw724wjnwXqhb7WQsHkOAWLDCcpZTqh?usp=sharing>.

⁷В России работают около 50 тыс. социальных предприятий. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9054185>.

⁸Социальное предпринимательство и меры его поддержки. Корпорация МСП. URL: <https://tpprf.ru/upload/iblock/661/661eb5d7cc192565c09d0b9f1ddaf9fe.pdf>.

⁹Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. Вход для организаций, предоставляющих поддержку. URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#statdate=05.01.2021>.

вошедших в реестр. Для решения этой проблемы, включая направленность на активизацию учетной функции и развитие социального предпринимательства, в 2021–2024 гг. предполагается введение невозвратной финансовой поддержки в форме субсидии в размере до 500 тыс. рублей для социальных предприятий включенных в единый реестр МСП⁸.

В целом, в рамках государственной поддержки социального предпринимательства предусмотрены следующие направления: формирование инфраструктуры поддержки; финансовая поддержка (кредиты по программе субсидирования процентной ставки; микролизинг для развития социального предпринимательства в области здравоохранения и социальных услуг и услуг педагогической направленности; микрозаймы по льготным ставкам дифференцированы по критерию залога и без залога, а также в моногороде и не в моногороде; субсидирование на территории моногородов; налоговое стимулирование); имущественная поддержка; информационная и консультационная методическая поддержка (портал Бизнес-навигатора МСП (<http://smbn.ru/>): сервис по составлению и расчету бизнес-плана, каталог франшиз по социальным услугам); продвижение социального предпринимательства на ярмарках, конгрессах, выставках; обучение и повышение квалификации и иные виды поддержки.

В рамках инфраструктуры поддержки социального предпринимательства субъектами РФ создаются ЦИСС, в том числе за счет субсидий федерального уровня. В отсутствие ЦИСС в регионе господдержку социальному предпринимательству оказывают Центр поддержки МСП и центр «Мой бизнес». Существуют практики развития социального предпринимательства некоммерческими организациями (Фонд «Наше будущее», «Опора России», «Фонд социальных инвестиций» и др.) и крупными компаниями и институтами развития (СУЭК, Металлоинвест, РУСАЛ, Северсталь, ПАО «Татнефть», АО «Корпорация МСП» и др.).

На субфедеральном уровне отдельные субъекты РФ (Нижегородская область, г. Санкт-Петербург, Московская области и др.) инициировали активную работу по формиро-

ванию реестров социального предпринимательства на базе ЦИСС на основе созданных каталогов социальных предпринимателей. Комитет по социальному предпринимательству «Опора России» разработал ресурсный подход к развитию социального предпринимательства, положенный в основу модельного закона по государственной поддержке социального предпринимательства в субъектах РФ.

Сложившиеся региональные практики государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ и иницируемые организационные новации государственной поддержки МСП, описанные выше, обогащают предмет исследования и требуют анализа и обобщений, что обуславливает актуальность и постановку цели исследования.

Цель исследования – провести диагностику реализации субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства.

Объект исследования – меры субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ: Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Калужская, Кировская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Рязанская, Сахалинская, Тамбовская, Тюменская и Ульяновская области; Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Коми, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Алтай, Удмуртская, Хакасия, Чеченская и Чувашская; Еврейская автономная область; Забайкальский, Камчатский, Краснодарский и Красноярский края; Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Выбор субъектов РФ обусловлен информационной доступностью и предоставлением материалов в обратной связи субъектов РФ.

Методы исследования

Во-первых, это методы сбора информации. Информационной базой исследования выступили письма с фактографией о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ, сформированные регионами как ответы на информационный запрос от 20.09.2019 года № ДВС-4/310 Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предприниматель-

ству Государственной Думы Российской Федерации. Приведенные в письмах данные о реализации мер поддержки социальным предприятиям в субъектах РФ были подвергнуты обработке и сводке.

Во-вторых, это общенаучные методы, обусловленные поставленной целью, в частности с использованием методов индукции, описания и сравнения регионов по выделенным качественным признакам (указаны далее) проведено: определение мер по видам государственной поддержки, получающих наибольшее распространение в практиках субъектов РФ (по детализации описания в письмах-ответах от субъектов РФ); обозначение институтов инфраструктуры поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ; выделение субъектов РФ с продвинутыми практиками государственной поддержкой социального предпринимательства на субфедеральном уровне с верификацией методом компаративистики с результатами других исследований и кейсов.

Результаты исследования

Анализ мер поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ, показывает дифференциацию региональных моделей как по качественному составу представленных институтов инфраструктуры социального предпринимательства, так и вариации мер поддержки. К подобному выводу о «существенной дифференциации по направлениям и устойчивости поддержки» приходят и исследователи центра социального предпринимательства ВШЭ [25, с. 4].

Результаты обобщения государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ по мерам в контексте каждого вида, имеющих наиболее распространение в практиках регионов приведено в таблице 1.

Относительно дифференциации моделей инфраструктуры поддержки уточним, что во многих субъектах ключевым институтом инфраструктуры поддержки социального предпринимательства выступает центр «Мой бизнес», наряду с которым могут действовать центры различной направленности: бизнес-инкубаторы, инкубаторы социального бизнеса (тиражируемые в города субъекта РФ), центры молодежного инновационного творчества,

Таблица 1 – Государственная поддержка социально-го предпринимательства в субъектах РФ, получающая большее распространение в 2019–2020 годы

Table 1 – State support for social entrepreneurship in the constituent entities of the Russian Federation, which is becoming more widespread in 2019–2020

Вид поддержки	Меры поддержки
Инфраструктура поддержки	Дифференцированные региональные модели инфраструктуры поддержки по структуре и результативности. В 75 % субъектах РФ сформированы ЦИСС
Финансовая поддержка	30 % субъектов РФ практикуют субфедеральные налоговые преференции. Более 55 % субсидии в рамках «Акселерация МСП»
Ярмарки, конгрессы, выставки	Более 90 % субъектов РФ принимают участие во Всероссийском конкурсе «Лучший социальный проект»

центр сертификации, стандартизации и испытаний, центр экспорта, центр инжиниринга, центр народно-художественных промыслов и ремесел и др., а также фонды поддержки предпринимательства, микрокредитные компании, комиссии по социальному предпринимательству «Опора России». В ряде субъектов РФ (Ульяновская, Нижегородская и др. области) конкретизируются виды поддержки социального предпринимательства по отраслям (образование; здравоохранение; физическая культура и спорт; социальной защиты) с привлечением функционала ответственного отраслевого регионального министерства. ЦИССы как ключевой институт развития социального предпринимательства созданы не во всех регионах: их функции могут накладываться на сформированные ранее структуры с другим названием, но они позиционируются как ЦИСС. Например, в Брянской области 1 марта 2017 года был создан Центр инноваций социальной сферы, но название ГАУ «Брянский областной бизнес-инкубатор», либо ЦИСС формируется как структурное подразделение (отдел) в государственных учреждениях – бизнес-инкубаторах (ГАУ «Волгоградский областной бизнес-инкубатор»).

По результатам нашего исследования выявлены субъекты РФ, в которых не созданы ЦИСС и делается запрос на федеральное финансирование (Магаданская область, Чеченская Республика). Однако, как свидетельству-

ют результаты исследования, «прямая связь между регулярностью получения субсидий на поддержку ЦИССов и развитием социального предпринимательства в регионах просматривается далеко не во всех регионах» [25, с. 4]. К подобному выводу приходим и мы по результатам нашего исследования: не все субъекты РФ, имеющие ЦИСС, описывают количественно «демографию»¹⁰ и меры поддержки социального предпринимательства на территории региона. Большинство субъектов РФ формально перечисляют установленные законом виды поддержки как действующие, что свидетельствует об отсутствии на данный момент сложившихся реальных результатов развития социального предпринимательства, эффективных практик социальной поддержки социального предпринимательства, в целом концепции позиционирования социального предпринимательства в регионе. Последний вывод подкрепляется и официальной количественной фактографией. Так, по данным Совета Федерации, «в 22 регионах зарегистрировано менее 20 социальных предприятий, а в 13 субъектах – ни одного социального предприятия»¹¹.

По виду финансовой поддержки обратим внимание, что субсидии в рамках «Акселерация МСП», в большей степени обозначаются субъектами как «потенциальное направление государственной поддержки», к которому могут обратиться и социальные предприниматели. Среди субфедеральных налоговых преференций указываются: снижение ставок налога на прибыль, освобождение от уплаты транспортного налога (Волгоградская, Нижегородская и др. области); «налоговые каникулы» для начинающих предпринимателей в производственной, социальной и научной сферах, оказывающих бытовые услуги населению (Волгоградская область) и т.д.

Согласно полученным результатам исследования (табл. 1), активное вовлечение субъектов РФ в проведении регионального этапа Всероссийского конкурса «Лучший социальный

проект» и организация региональных конкурсов дает основания для вывода о том, что в настоящее время в субъектах РФ социальное предпринимательство находится на начальной стадии развития – этапе популяризации.

Модели развитых практик субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства с обозначением конкретных регионов выделялись в ряде исследований. Так, Омская область и Республика Башкортостан характеризовались имманентной моделью стабильной государственной поддержки социального предпринимательства с диверсификацией направлений на основе субсидий. По узкой специализации выделялись в инфраструктурной поддержке (ЦИСС) Кемеровская область, Республики Мордовия и Коми; в поддержке центров дневного пребывания детей – Липецкая область [25, с. 4].

Официально признанными продвинутыми региональными практиками по развитию социального предпринимательства в РФ могут позиционироваться результаты ежегодного конкурса «Импульс добра» Фонда «Наше будущее» по номинации «За лучшую региональную программу поддержки социального предпринимательства», учрежденной Министерством экономического развития РФ. Так, с 2012 года до настоящего времени лауреатами конкурса становились разные субъекты РФ: Красноярский край (2012 г.), Ханты-Мансийский АО – Югра (2013, 2016 гг.), Республика Татарстан (2014 г.), Омская область (2014 г.), Московская область (2015 г.), Архангельская область (2017 г.), Нижегородская область (2018 г.), Псковская область (2019 г.). Следует обратить внимание, что у субъектов РФ – лауреатов конкурса 2012 и 2014 гг. (Республика Татарстан и Красноярский край) объектом региональных программ поддержки обозначены СО НКО, а не социальное предпринимательство¹².

Кроме указанных выше регионов, результаты нашего исследования по комплексности направлений, видов, глубине проработ-

¹⁰Объём социального предпринимательства в целом и по условиям получения статуса социального предприятия, вновь зарегистрированных и закончившим деятельность, и т.д.

¹¹<https://www.asi.org.ru/news/2020/11/26/v-sovete-federaczii-obsudili-razvitie-soczialnogo-predprinimatelstva-v-regionah/>.

¹²В настоящее время СО НКО выведены из организационно-правовых форм социального предпринимательства, о чем уже было указано выше.

ки, специфическим характеристикам государственной поддержки социального предпринимательства дали основание для выделения Ленинградской и Ульяновской областей в статус субъектов РФ с продвинутыми региональными практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне.

Выделение регионов с продвинутыми практиками государственной поддержки социального предпринимательства на субфедеральном уровне по результатам проведенной верификации методом компаративистики с результатами других исследований и конкурса «Импульс добра» фонда «Наше будущее» приведено в таблице 2. Акцент сделан на специфичных имманентных практиках конкретных субъектов РФ, наряду с которыми используются и стандартные меры государственной поддержки социального предпринимательства, предусмотренные законодательством.

Как видно, регионы-лидеры по развитию социального предпринимательства демонстрируют различные модели: в одной модели акцент в развитии социального предпринимательства делается на внедрении технологий социальных инвестиций, сертификатов. Другие регионы в развитие социального предпринимательства инкрустируют механизм межсекторного социального партнерства с привлечением как бизнеса через корпоративную социальную ответственность бизнеса, так и государства с установлением взаимодействий с ответственными ведомственными структурами. Обнаруживаются и субъекты РФ, демонстрирующие достижение результатов развития социального предпринимательства с выстраиванием стандартных мер региональной поддержки социального предпринимательства, предусмотренных в законе.

Выводы

Результаты исследования, проведенного в рамках поставленной цели, дают основание для следующих выводов и обобщений.

1. В настоящее время в большинстве субъектов РФ социальное предпринимательство находится на начальной стадии развития – популяризации – через запуск конкурсов различного уровня в реализации мер государственной поддержки (90 % регионов).

2. Субъекты РФ демонстрируют вариацию моделей субфедеральной государственной поддержки социального предпринимательства, включая и дифференциацию институтов инфраструктуры поддержки. В отдельных регионах государственная поддержка социального предпринимательства на субфедеральном уровне сводится к перечислению формулировок стандартных видов и форм, предусмотренных в законодательстве, или констатации отсутствия финансовых средств для развития инфраструктуры поддержки, что свидетельствует о ее формальном характере и отсутствии концепции позиционирования социального предпринимательства в социально-экономическом развитии региона. Выделяются продвинутые региональные практики, отличающиеся мерами поддержки социального предпринимательства, имманентными субъекту РФ с ориентацией на развитие технологий (социальные инвестиции, сертификаты) или на механизм межсекторного социального партнерства с упором на взаимодействие с бизнесом или с активной ролью ответственных региональных ведомственных структур

3. Для разработки действенной модели государственной поддержки развития социального предпринимательства видится целесообразным изменение позиционирования социального предпринимательства как комплементарного вида в структуре МСП или негосударственных поставщиков социальных услуг и выделение этого вида предпринимательства в самостоятельное направление с обозначением общего подхода к формированию инфраструктуры поддержки в регионах, что будет направлено на нивелирование территориальной дифференциации в развитии социального предпринимательства в субъектах РФ, что согласуется с целями региональной политики. Реализацию мер финансовой поддержки необходимо сопровождать оценкой эффективности государственных расходов, сопровождаемой мониторингом потребностей социальных предпринимателей по мерам поддержки. Экспертная оценка результативности существующих мер поддержки социального предпринимательства и потребностей стейкхолдеров является предметом следующего этапа исследования.

Таблица 2 – Продвинутые практики государственной поддержки социального предпринимательства в субъектах РФ за 2012–2020 гг.¹³

Table 2 – Advanced practices of state support for social entrepreneurship in the constituent entities of the Russian Federation for 2012–2020

Субъект РФ	Характеристика практики	Участие в конкурсе «Импульс добра»
Ханты-Мансийский АО – Югра	Достигнуты реальные количественные результаты развития социального предпринимательства. Сформирована инфраструктура поддержки. Введено право на приоритетное получение мер поддержки на срок не менее двух лет. Апробирован проект «Развитие рынка социальных инвесторов», направленный на создание эффективного механизма негосударственной поддержки социальных проектов. С 2012 года введен механизм персонализированного финансирования – предоставление гражданам сертификатов на оплату услуг. Всего в Югре 9 услуг реализуется через сертификаты (7 – в социальном обслуживании и 2 – в образовании).	Лауреат 2013, 2016 гг.
Омская область	Реализуемая ЦИСС модель подготовки социальных предпринимателей «Школа социального предпринимательства» получила тиражирование в 25 субъектах РФ. Сформирована региональная модель кластера социальных инноваций. Проведение форумов и региональных конкурсов.	Лауреат 2014 г.
Московская область ¹⁴	Акцент на реализацию финансовой поддержки в форме компенсаций затрат социальных предпринимателей: по производству товаров, работ и услуг; на уплату % по кредитам.	Лауреат 2014 г.
Архангельская область ¹⁴	Работающая инфраструктура поддержки: Государственное автономное учреждение «Архангельский региональный бизнес-инкубатор», «Архангельский региональный фонд микрофинансирования». Развитие микрозаймов.	Лауреат 2017 г.
Нижегородская область	Выстроена инфраструктура поддержки: ЦИСС и 6 социальных бизнес-инкубаторов в муниципальных образованиях (в Нижнем Новгороде, Заволжье, Выксе, Павлово, Дзержинске и на Бору). Привлечение внебюджетных источников для финансирования программ по развитию социального предпринимательства за счет включения бизнеса (Объединенной металлургической Компании, ПАО «Сбербанк», ПАО «Ростелеком», ООО «Порт-Медиа», ООО «Интроник» и др.). Оказание услуг по разработке франшиз. Проведение форумов и региональных конкурсов.	Лауреат 2017 г.
Псковская область ¹⁴	Тренд роста количества социальных предпринимателей за счет стандартной модели региональной поддержки социальных предпринимательств: инфраструктура поддержки (ЦИСС), форум социальных предпринимателей, форум социально ответственного туризма, социальный акселератор.	Лауреат 2018 г.
Республика Башкортостан	Значительный объем привлечения частных инвестиций в сферу социального предпринимательства за счет развития механизмов государственно-частного партнерства и социальных сертификатов.	—
Ленинградская область	В период с 2016 года до настоящего времени наблюдается опережающий общероссийское значение темп прироста количества социального предпринимательства (в Ленинградской области – 98 %, средний по РФ – 78 %). Выстроена инфраструктура, включая бизнес-акселератор. Формируется ежегодно дорожная карта развития социального предпринимательства. К предусмотренной стандартной финансовой поддержке осуществляется предоставление субсидий по типам социального предпринимательства – по отраслевой привязке: образование, туризм, в т. ч. сельский туризм, деятельность в области ремесел и народных художественных промыслов; молодежное предпринимательство в решении социальных проблем. Слет социальных предпринимателей, региональные конкурсы и выставки.	—
Ульяновская область	Сформирована инфраструктура, в региональном отделении «Опора России» организован комитет по социальному предпринимательству, региональные акселераторы социальных проектов (РостОК). В разработке «Стандарт (модель) развития социального предпринимательства в регионе», включающая все предусмотренные виды государственной поддержки, основанная на развитии механизмов межсекторного социального партнерства с ведущей ролью государственных структур.	—

¹³Разработка автора с использованием результатов конкурса «Импульс добра».

¹⁴Субъекты не вошедшие в наше исследование: писем-ответов не представлено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулькова В.Ю. (2017). Инфраструктурная поддержка социального предпринимательства в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 13. № 19. С. 1592–1607.
2. Granados M., Hlupic V., Coakes E. (2011). Social enterprise and social entrepreneurship research and theory, *Social Enterprise Journal*, vol. 7, issue 3, pp. 198–218.
3. Maseno M., Wanyoike C. (2020). Social Entrepreneurship as Mechanisms for Social Transformation and Social Impact in East Africa An Exploratory Case Study Perspective, *Journal of Social Entrepreneurship*. DOI: 10.1080/19420676.2020.1755348.
4. Zhao M, Han J. (2020). Tensions and Risks of Social Enterprises' Scaling Strategies: The Case of Microfinance Institutions in China, *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 11 (2), pp. 134–154.
5. Erpf P., Matthew J. Ripper, Castignetti M. Understanding. (2019). Social Entrepreneurship Based on Self-Evaluations of Organizational Leaders – Insights from an International Survey, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 10 (3), pp. 288–306.
6. Kerlin J. A. (2013). Defining Social Enterprise across Different Contexts: A Conceptual Framework Based on Institutional Factors, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 42, pp. 84–108.
7. Bagnoli L., Megali C. (2011). Measuring performance in social enterprises, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 149–165.
8. Cooney K. (2011). An exploratory study of social purpose business models in the United States, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 185–196.
9. Alvord S. H., Brown D. L., Letts C. W. (2004). Social Entrepreneurship and Societal Transformation: An Exploratory Study, *Journal of Applied Behavioural Science*, no.40 (3), pp. 260–282.
10. Жохова В.В. (2020). Критерии успешности социального предпринимательства Приморского края // Мир экономики и управления. Т. 20. № 1. С. 99–115.
11. Бородина А.В., Щецак О.В. (2017). Социальное предпринимательство в современной России: отечественные и западные трактовки феномена, структуры поддержки и образовательные практики // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 1. № 4. С. 409–418.
12. Ромащенко Т.Д., Кисова А.Е. (2017). Концептуальные основы социального предпринимательства // Экономика предпринимательства. № 11 (88). С. 1140–1143.
13. Полякова О.М. (2016). Концепция социального предпринимательства в украинском контексте // Вестник экономики и транспорта промышленности. № 56. С. 176–182.
14. Чубарова Т.В. (2011). Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство. СПб. : Нестор история. 320 с.
15. Сергеева Ю. (2019). Модели поддержки социального предпринимательства в российских регионах // Мир социального предпринимательства. № 13. С. 6–10.
16. Bürger T. (2014). NGOs: A New History of Transnational Civil Society, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 24, pp. 124–138.
17. Granados M., Rosli A. (2020). «Fitting In» vs. «Standing Out»: How Social Enterprises Engage with Stakeholders to Legitimize their Hybrid Position, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 11 (2), pp. 155–176.
18. Erpf P. (2017). What Is Social Entrepreneurship and How Can It Be Differentiated from Business Entrepreneurship? *Swiss Journal of Business Research and Practice*, no. 71 (2), pp. 197–208.
19. Salamon L. (2001). *The New Governance and the Tools of Public Action*. New York, USA: Oxford University Press, 298 p.
20. Alter S.K. (2007). Social Enterprise Typology, *Virtue Ventures LLC*. Nov. 27, 235 p.
21. Boschee J., McClurg J. (2003). Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions, pp. 2008. URL: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fileID=7289> (accessed October 9, 2021).
22. Rose-Ackerman S. (1996). Non-profits and Economic Theory, *Journal of Economic Literature*, no. 34 (2), pp. 701–728.

23. Weisbrod B. (1988). *The Non-profit Economy*. Harvard University Press. 234 p.

24. Кулькова В.Ю. (2016). Социальное предпринимательство, некоммерческие организации и корпоративная социальная ответственность в построении межсекторного партнерства: обзор

теоретических разработок // Научное обозрение. № 7. С. 183–187.

25. Московская А., Климов И. (2019). Как сделать ЦИССы эффективным инструментом развития социального предпринимательства в регионах // Мир социального предпринимательства. № 13. С. 3–5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Кулькова Варвара Юрьевна – доктор экономических наук, профессор; Казанский государственный энергетический университет (420066, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51); kulkova77@mail.ru.

IMPLEMENTATION OF STATE SUPPORT FOR SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL SERVICES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.Yu. Kulkova^{15a}

^aKazan State Power Engineering University

ABSTRACT:

Problem statement. Today social entrepreneurship is actively developing in the Russian Federation. It is characterized by a tendency of rapid business development which leaves legal regulation behind. In some regions of the Russian Federation different models of sub-federal support for social entrepreneurship were developed and implemented, including the spheres of non-governmental providers of social services, small and medium-sized enterprises (SMEs). These measures require analysis and generalization to highlight effective variants of regional state support in order to replicate them in the regional policy of the Russian Federation to reduce the gap in the development of social entrepreneurship in different parts of the country.

The scientific task is analysis of the implementation of sub-federal state support for social entrepreneurship in the development of social services in the regions of the Russian Federation.

Methodological basis includes the provisions of the positive economic theory that consist in the study of the existing regional practices for the development of social entrepreneurship, including the implementation of measures of state support provided for by the legislation of the Russian Federation. We regard social entrepreneurship as an independent type of entrepreneurship with its inherent characteristics that differ from those of Socially Focused Non-governmental Organizations and SMEs.

The research material. The information base of the study is made of letters with facts about the implementation of measures to support social enterprises in the regions of the Russian Federation. The data provided in the letters on the implementation of measures to support social enterprises have been analyzed and interpreted. The research methods are general scientific methods, including induction, comparison and generalization.

The main results of the study. It has been revealed that the most common measure of state support for social entrepreneurship in the regions of the Russian Federation is competitions of various levels aimed at promotion of social entrepreneurship, which is at its initial stage of development. The constituent entities of the Russian Federation demonstrate variations in the models of sub-federal state support for social entrepreneurship, as well as the differences in support infrastructure institutions. Some regions lack money

¹⁵RSCI AuthorID: 360869, ORCID: 0000-0001-9943-1780

for the development of support infrastructure and they make a request for federal funding. The paper provides a list of the subjects of the Russian Federation with advanced practices of state support for social entrepreneurship at the sub-federal level. They are characterized by their focus on the development of technologies (social investments and certificates) or the mechanism of intersectoral social partnership with an emphasis on interaction either with business or with the responsible regional departmental structures.

KEYWORDS: social entrepreneurship, social entrepreneurship support, support infrastructure, measures of state support, social services providers, non-governmental providers, small and medium-sized enterprises, SME.

FOR CITATION: Kulkova V.Yu. (2021). Implementation of state support for social entrepreneurship in the development of social services in the regions of the Russian Federation, *Management Issues*, no. 2, pp. 90–101.

REFERENCES

1. Kulkova V.Yu. (2017). Infrastructure support for social entrepreneurship in Russia, *National Interests: Priorities and Security*, vol. 13, no. 19, pp. 1592–1607.
2. Granados M., Hlupic V., Coakes E. (2011). Social enterprise and social entrepreneurship research and theory, *Social Enterprise Journal*, vol. 7, issue 3, pp. 198–218.
3. Maseno M., Wanyoike C. (2020). Social Entrepreneurship as Mechanisms for Social Transformation and Social Impact in East Africa An Exploratory Case Study Perspective, *Journal of Social Entrepreneurship*. DOI: 10.1080/19420676.2020.1755348.
4. Zhao M, Han J. (2020). Tensions and Risks of Social Enterprises' Scaling Strategies: The Case of Microfinance Institutions in China, *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 11 (2), pp. 134–154.
5. Erpf P., Matthew J. Ripper, Castignetti M. Understanding. (2019). Social Entrepreneurship Based on Self-Evaluations of Organizational Leaders – Insights from an International Survey, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 10 (3), pp. 288–306.
6. Kerlin J. A. (2013). Defining Social Enterprise across Different Contexts: A Conceptual Framework Based on Institutional Factors, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 42, pp. 84–108.
7. Bagnoli L., Megali C. (2011). Measuring performance in social enterprises, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 149–165.
8. Cooney K. (2011). An exploratory study of social purpose business models in the United States, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, no. 40, pp. 185–196.
9. Alvord S. H., Brown D. L., Letts C. W. (2004). Social Entrepreneurship and Societal Transformation: An Exploratory Study, *Journal of Applied Behavioural Science*, no.40 (3), pp. 260–282.
10. Zhokhova V.V. (2020). Criteria for the success of social entrepreneurship of the Primorsky Territory, *World of Economics and Management*, vol. 20, no. 1, pp. 99–115.
11. Borodina A.V., Schetsak O.V. (2017). Social entrepreneurship in modern Russia: domestic and western interpretations of phenomenon, support structures and educational practices, *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships*, vol. 1, no. 4, pp. 409–418.
12. Romaschenko T.D., Kisova A.E. (2017). Conceptual basics of social entrepreneurship, *Economics of entrepreneurship*, no. 11 (88), pp. 1140–1143.
13. Polyakova O.M. (2016). Concept of social entrepreneurship in the Ukrainian context, *Bulletin of the economy and transport industry*, no. 56, pp. 176–182.
14. Chubarova T.V. (2011). Social responsibility in a market economy: worker, business, state. Saint Petersburg: Nestor History, 320 p.
15. Sergeeva Yu. (2019). Social entrepreneurship support models in the Russian regions, *World of Social Entrepreneurship*, no. 13, pp. 6–10.
16. Bürger T. (2014). NGOs: A New History of Transnational Civil Society, *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 24, pp. 124–138.
17. Granados M., Rosli A. (2020). «Fitting In» vs. «Standing Out»: How Social Enterprises Engage with Stakeholders to Legitimize their Hybrid Position, *Journal of Social Entrepreneurship*, no. 11 (2), pp. 155–176.
18. Erpf P. (2017). What Is Social Entrepreneurship and How Can It Be Differentiated from Business Entrepreneurship? *Swiss Journal of Business Research and Practice*, no. 71 (2), pp. 197–208.
19. Salamon L. (2001). The New Governance and

the Tools of Public Action. New York, USA: Oxford University Press, 298 p.

20. Alter S.K. (2007). Social Enterprise Typology, Virtue Ventures LLC. Nov. 27, 235 p.

21. Boschee J., McClurg J. (2003). Toward a better understanding of social entrepreneurship: some important distinctions, pp. 2008. URL: <https://www.law.berkeley.edu/php-programs/courses/fileDL.php?fid=7289> (accessed October 9, 2021).

22. Rose-Ackerman S. (1996). Non-profits and Economic Theory, *Journal of Economic Literature*, no. 34 (2), pp. 701–728.

23. Weisbrod B. (1988). The Non-profit Economy. Harvard University Press. 234 p.

24. Kulkova VYu. (2016). Social entrepreneurship, non-profit organizations and corporate social responsibility in building an intersectoral partnership. A review of theoretical developments, *Scientific Review*, no. 7, pp. 183–187.

25. Moskovskaya A., Klimov I. (2019). How to make CISSs an effective tool for the development of social entrepreneurship in the regions, *World of Social Entrepreneurship*, no. 13, pp. 3–5.

AUTHORS' INFORMATION:

Varvara Yu. Kulkova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Kazan State Power Engineering University (51, Krasnoselskaya St., Kazan, 420066, Russia); kulkova77@mail.ru.